

Скугаревский О.А.¹, Голубович В.В.², Остянко Ю.И.², Дукорский В.В.^{1,2} ✉

¹ Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Беларусь

² Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Моральный вред vs психическая травма: анализ позиции судебных психиатров и судебных психологов

Конфликт интересов: не заявлен.

Вклад авторов: концепция исследования – Скугаревский О.А.; редактирование – Голубович В.В.; разработка дизайна исследования – Остянко Ю.И.; проведение исследования и написание текста – Дукорский В.В.

Подана: 12.01.2024

Принята: 15.02.2024

Контакты: skugarevsky@tut.by, golubovich@tut.by, y.ostianko@tut.by, vl.dukorsky@tut.by

Резюме

Белорусские юристы и специалисты области охраны психического здоровья отмечают, что существующий правовой механизм компенсации психических страданий потерпевшим от преступлений («компенсация морального вреда») нельзя признать современным и не требующим теоретической, законодательной и практико-ориентированной доработки. В настоящей статье представлена позиция на указанную правовую категорию и ее реализацию профессионалов, специальности которых находятся на стыке области права и сферы охраны психического здоровья, а именно судебных психиатров и судебных психологов. В анонимном анкетировании приняли участие 135 практикующих судебных психиатров и судебных психологов из всех регионов Республики Беларусь. Результаты анкетирования показали, что значительно большее количество экспертов считают, что правовая категория «моральный вред» требует глобального переосмысления в плане перенимания положительного опыта прогрессивных в данном вопросе стран, в том числе более релевантного названия соответствующей нормы – «психическая травма». Большинство экспертов положительно отнеслись к идее разделения психической травмы на ординарную психическую травму и психическую травму в виде психического расстройства. Значимо большая часть респондентов положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для подтверждения психической травмы, а также к внедрению инструментальных методов (айтрекинга). Большинство респондентов высказались за необходимость назначения адвоката всем потерпевшим от насильственных действий, а также в поддержку создания специализированного фонда финансовой помощи потерпевшим (для оплаты психологической, медицинской, социальной, юридической помощи и иных расходов).

Ключевые слова: психическая травма, моральный вред, психическое расстройство, вред здоровью, охрана психического здоровья, судебные психиатры, судебные психологи

Skugarevsky O.¹, Golubovich V.², Ostianko Yu.², Dukorsky V.^{1,2} ✉

¹ Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

² State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Moral Damage vs Psychological/Psychiatric Injury: Analysis of the Position of Forensic Psychiatrists and Forensic Psychologists

Conflict of interest: nothing to declare.

Authors' contribution: the concept of the study – Skugarevsky O.; editing – Golubovich V.; development of the design of the study – Ostianko Yu.; conducting research and writing the text – Dukorsky V.

Submitted: 12.01.2024

Accepted: 15.02.2024

Contacts: skugarevsky@tut.by, golubovich@tut.by, y.ostianko@tut.by, vl.dukorsky@tut.by

---

Abstract

Belarusian lawyers and specialists in the field of mental health note that the existing legal mechanism for compensation for mental suffering to victims of crimes ("compensation for moral damage") cannot be considered modern and does not require theoretical, legislative and practice-oriented modification. This article presents the position on this legal category and its implementation by professionals whose specialty is at the intersection of the field of law and the field of mental health, namely forensic psychiatrists and forensic psychologists. 135 practicing forensic psychiatrists and forensic psychologists from all regions of the Republic of Belarus took part in the anonymous survey. The results of the survey showed that a significantly larger number of experts believe that the legal category of "moral damage" requires a global rethinking in terms of adopting the positive experience of countries that are progressive in this matter, including the more relevant name of the corresponding norm – "psychological/psychiatric injury". Most experts were positive about the idea of dividing "psychological/psychiatric injury" into "ordinary psychological/psychiatric injury" and "psychological/psychiatric injury in the form of a mental disorder". A significantly larger proportion of respondents have a positive attitude towards the introduction of specialized test methods to confirm "psychological/psychiatric injury", as well as the introduction of instrumental methods (eye-tracking). The majority of respondents spoke in favor of the need to appoint a lawyer to all victims of violent acts, as well as in support of the creation of a specialized fund for financial assistance to victims (to pay for psychological, medical, social, legal assistance and other expenses).

Keywords: psychological/psychiatric injury, moral damage, mental disorder, harm to health, mental healthcare, forensic psychiatrists, forensic psychologists

---

■ ВВЕДЕНИЕ

Становление институтов гражданского общества и построение правового государства невозможно без обеспечения справедливого и эффективного восстановления нарушенных прав граждан. В настоящее время законодательный механизм компенсации потерпевшему его психических страданий реализуется с помощью

правовой категории «моральный вред». Нормативно-правовая база оснований для компенсации психических страданий (морального вреда) и трудности ее реализации нами обсуждены в ведущих правовых изданиях Беларуси: журнал Верховного Суда Республики Беларусь «Судовы веснік» [1], журнал Генеральной прокуратуры Республики Беларусь «Законность и правопорядок» [2], журнал Следственного комитета Республики Беларусь «Предварительное расследование» [3], а также журнал Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь «Судебная экспертиза Беларуси» [4]. В настоящей работе представлен взгляд на категорию «морального вреда» и перспективы ее совершенствования с позиции судебных психиатров и судебных психологов (далее – судебных экспертов).

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Практикующими судебными экспертами-психиатрами и экспертами-психологами всех областей Республики Беларусь была заполнена анонимная анкета, состоящая из вопросов, посвященных отечественному механизму компенсации потерпевшим их психических страданий (морального вреда) в связи с совершенным в отношении них преступлением. Всего в анонимном анкетировании приняли участие 135 судебных экспертов (89 психиатров и 46 психологов). Исследуемая выборка специалистов состояла из 38 мужчин (31,1%) и 93 женщин (68,9%). Средний возраст респондентов – $39,1 \pm 10,9$ (Мо=26, Ме=37,0), средний стаж работы по специальности – $10,0 \pm 8,7$ (Мо=1; Ме=7,5). Исследование было проспективным, поперечным, сравнительным. Метод исследования – анкетирование. Различия в частотном распределении внутри признака между группами оценивались с помощью критерия Пирсона χ^2 с использованием поправки Йейтса. Статистическая обработка данных производилась с помощью программного пакета статистического анализа Statistica 12.0.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Право на возмещение морального вреда (психических страданий) закреплено в Конституции Республики Беларусь, а также в целом ряде других белорусских законодательных актов [5]. Самым очевидным условием возникновения морального вреда является совершенное в отношении человека уголовное преступление. В особенности это касается насильственных преступлений, когда риск развития психических расстройств наиболее высок. Вместе с тем белорусские практикующие юристы заявляют о том, что, несмотря на некоторый позитивный сдвиг последних лет в плане повышения востребованности, в целом отечественный институт возмещения морального вреда остается мало разработанным и недостаточно востребованным.

В соответствии с законодательством компенсация морального вреда допускается исключительно по личному требованию, заявленному самим потерпевшим либо иными лицами в его интересах (например, родителями в интересах несовершеннолетнего ребенка). Если данное требование не заявлено, то суд самостоятельно не вправе решать вопрос о компенсации морального вреда. Вместе с тем жертвы преступлений редко заявляют иск о данном виде компенсации. К такому положению дел приводит целый ряд взаимосвязанных причин. Главными из которых, по нашему мнению, являются два следующих момента. Во-первых, превалирует юридическая неграмотность населения. Многие граждане даже и не подозревают о существовании возможности денежной компенсации психических страданий и считают, что

наказание преступника является единственно возможным предусмотренным законодательством последствием совершенного преступления.

Во-вторых, само название правового конструкта «моральный вред» явно неудачное, поскольку в общественном дискурсе «моральный вред» наделяется скорее «философским смыслом» и никак не отражает психических страданий человека. Данное обстоятельство ставит в тупик потерпевших даже тогда, когда на предварительном следствии или уже в судебном процессе о наличии морального вреда у них спрашивают следователь, прокурор или судья.

В указанном контексте необходимо выделить два важных момента, которые касаются взаимоотношения права и науки (в том числе таких, как психология и психиатрия). Первый заключается в том, что со временем может поменяться смысловое наполнение используемого юридического или научного термина. Как это и происходит в настоящее время с англоязычным термином «моральный вред» (*moral injury*), который с 1990-х годов имеет совсем иное значение в странах, где идут активные исследования в данном направлении [6–10]. С другой стороны, необходимо отметить, что после научного сдвига даже исторически устоявшиеся юридические термины (формулы, дефиниции) уходят в прошлое. Например, таким образом изменился медицинский критерий белорусской «формулы невменяемости». В 2019 году вместо четырехкомпонентного медицинского критерия невменяемости (хроническое психическое заболевание, временное расстройство психики, слабоумие, иное болезненное состояние психики) введен единый – психическое расстройство (заболевание). Связано это с развитием психиатрии и действием Международной классификации болезней (МКБ), в которой критериально очерчены все выделенные научными исследованиями психические расстройства. Поэтому была устранена необходимость законодательно выделять юридически значимые формы психических расстройств на уровне законодательных актов.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами нами и был задан первый вопрос судебным экспертам, вопрос о том, отвечает ли действующая отечественная правовая категория «морального вреда» современному состоянию науки и практики. Статистически значимо ($\chi^2=47,3$; $p<0,001$) среди экспертов преобладает ответ «Правовая категория «морального вреда» требует глобального переосмысления» (64,4%). Далее по частоте следуют ответы: «Правовая категория «морального вреда» требует незначительной доработки» (22,2%) и «Правовая категория «морального вреда» полностью выполняет свою функцию и в доработке не нуждается» (6,7%).

В свою очередь, в целом ряде западных стран к настоящему времени накоплена достаточно богатая практика применения аналогичных правовых институтов. Содержание, которое белорусский законодатель вкладывает в понятие «моральный вред», в общем своем контексте соответствует зарубежным взаимозаменяемым правовым конструктам «психиатрическая травма» (*psychiatric injury*) и «психологическая травма» (*psychological injury*) [11–16].

В связи с чем и был задан второй вопрос судебным экспертам, а именно вопрос о том, целесообразно ли отечественную категорию «моральный вред» заменить на принятую в мировом медико-правовом сообществе норму «психическая травма». Значимое большинство ($\chi^2=106,0$; $p<0,001$) судебных экспертов (75,6%) посчитали, что необходимо перенять термин «психическая травма» и положительный опыт прогрессивных в данном вопросе западных стран (с поправкой на белорусскую

медико-правовую реальность). «Нужно заменить только название на более соответствующее – «психическая травма» – так ответили 5,2% респондентов. Не сочли целесообразным что-либо менять 12,6% экспертов.

Всесторонняя и достоверная оценка психической травмы (морального вреда) часто является достаточно трудоемким процессом. В соответствии со статьей 152 Гражданского кодекса Республики Беларусь доказывание наличия морального вреда (психической травмы) включает в себя выявление его как такового, а также установление причинно-следственной связи между противоправными действиями и наличием травмы. Установление причинно-следственной связи между страданиями истца и противоправными действиями ответчика основывается на сравнении психического состояния истца до и после совершения ответчиком правонарушения, что в общем случае подразумевает наличие трех фактов: последовательность событий от ситуации правонарушения к появлению травмы (временная связь), личная значимость нарушенного права и (или) последовавших изменений для пострадавшего (логическая связь), а также отсутствие значимых альтернативных причин появления травмы [11–16]. Как видно, достоверное установление психической травмы и ее оценка для последующей компенсации требует значительных усилий, ресурсов и времени как от судебно-следственных органов, адвокатов, специалистов сферы охраны психического здоровья, так и от самого потерпевшего. Поэтому следующий наш вопрос был связан с выяснением того, в рамках уголовного процесса или гражданского судопроизводства предпочтительнее доказывать наличие и выраженность психической травмы, а также причинно-следственной связи между преступлением и психической травмой. Чаще всего ($\chi^2=64,3$; $p<0,001$) эксперты были склонны отвечать, что доказывать указанные обстоятельства лучше сначала в уголовном процессе, а далее в гражданском судопроизводстве (62,2%). Ограничиться только уголовным процессом посчитали необходимым 14,1% респондентов, только гражданским – 9,6% респондентов. Мы также склонны присоединиться к самому популярному мнению среди экспертов, принимая во внимание указанные выше трудности. Вместе с тем следует помнить и о том, что обратиться за компенсацией перенесенных психических страданий никогда не поздно, так как на требования компенсации морального вреда исковая давность не распространяется (пункт 1 статьи 209 Гражданского кодекса Республики Беларусь, а также постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.09.2000 № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда»).

Не менее важным моментом является определение профильных специалистов, на основании экспертного мнения которых судом будет приниматься решение о наличии и выраженности психической травмы (морального вреда), а также решение о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между преступлением и психической травмой. Двумя наиболее популярными ответами были: необходимо привлечь отдельно подготовленного для таких целей специалиста (по лицензии) – 38,5%, а также необходимо привлечь судебного психиатра и/или психолога (35,6%). Статистически значимой разницы между частотой встречаемости этих двух ответов не выявлено ($\chi^2=0,1$; $p<0,7$). Гораздо менее популярными были ответы: необходимо привлечь любого специалиста сферы охраны психического здоровья (9,6%) и достаточно медицинских или иных документов и наличия внутреннего убеждения судьи (1,5%).

Вместе с тем необходимо указать на то, что существуют два важных ограничения для того, чтобы в настоящее время данный вопрос решался в рамках судебно-психиатрической экспертизы. Во-первых, отсутствует методология проведения данного вида экспертиз, а во-вторых, в Беларуси сфера доказывания психической травмы является практически сплошной «зоной неопределенности» (в том числе и законодательной), преодолеть которую экспертным методом в настоящее время невозможно. Разрешение проблемы в настоящее время возможно лишь на основе ярко выраженного состязательного судебного процесса с участием специалистов сферы охраны психического здоровья с обеих сторон, что является стандартным подходом во многих странах, где институт психической травмы успешно функционирует уже достаточно продолжительное время.

Весьма важным является четкий дифференцированный подход к оценке выраженности психической травмы, что непосредственно связано с попыткой выделения прозрачных, четких и справедливых подходов к определению суммы денежной компенсации потерпевшим. Большинство экспертов, 65,9% ($\chi^2=23,7$; $p<0,001$), положительно отнеслись к идее разделения психической травмы на ординарную психическую травму (эмоциональные переживания, но отсутствует диагноз психического расстройства в результате преступления) и психическую травму в виде психического расстройства (установлен психиатрический диагноз). Не поддержали данную идею разделения 25,9% экспертов, ответив: «Такое разделение не подходит, травма либо есть (психическое расстройство), либо ее нет», что, на наш взгляд, несколько обесценивает перенесенные человеком страдания, которые не достигают по своей выраженности степени психического расстройства. Безусловно, чем более дифференцирована оценка, тем это точнее позволит определить размер суммы компенсации и алгоритм ее выделения, но на начальном этапе предложенное разделение нам кажется очень значимым шагом.

Далее, на вопрос о том, должна ли ординарная психическая травма (эмоциональные переживания, но не развилось психическое расстройство) быть априорной нормой при любом преступлении, значимо большая часть экспертов (60,7% ($\chi^2=20,4$; $p<0,001$)) ответили отрицательно, пояснив, что любую психическую травму необходимо доказывать. Высказались за внедрение априорной нормы в виде наличия психической травмы у потерпевшего «по умолчанию» даже при незначительном преступлении 32,6% респондентов.

Авторам настоящей статьи гораздо ближе вторая по популярности позиция опрошенных экспертов, поскольку, на наш взгляд, это соответствует духу времени, а именно все большей гуманизации правосудия. В последние годы в ответ на кризис традиционной карательной направленности уголовной юстиции постепенно все большую силу в мире набирают идеи восстановительного правосудия. Классическая схема реакции государства на деяние, подпадающее под уголовно-правовой запрет, сводится к обнаружению преступления, уголовному преследованию в рамках уголовно-процессуальной деятельности, наказанию и его исполнению. Таковую модель построения уголовного судопроизводства известный английский ученый Э. Эшуорт называет «парадигмой наказания». Ее смысл заключается в том, что ключевой целью уголовного процесса остается применение наказания (репрессии), которое восстанавливает «мир» между государством и преступником. При этом интересы потерпевшего отодвигаются на второй план [17]. В соответствии с действующей карательной

парадигмой наказание будет гарантированно назначено преступнику (интересы государства). В свою очередь потерпевшему еще необходимо доказывать наличие у него психических страданий, хотя они [психические страдания] очевидно имеются в любом случае (сам факт признания по уголовному делу потерпевшим). Важным подспорьем для становления восстановительного правосудия в нашей стране является то, что белорусской судебной властью провозглашается приоритизация прав потерпевшего. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2005 г. № 6 (в редакции от 31.03.2022) «О практике применения норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих участие потерпевшего в уголовном процессе». Так, в пункте 19 постановления указано, что следует обратить внимание судов на то, что потерпевший является единственным участником процесса, непосредственно пострадавшим от преступления, в связи с чем обеспечение защиты его прав и законных интересов приобретает особое значение.

Продолжая тему дифференциации психической травмы, мы выяснили отношение судебных экспертов к созданию и внедрению в рамках отечественного законодательства унифицированного перечня компенсаций в соответствии с видами совершенных в отношении потерпевших преступлений (ординарная психическая травма). Статистически значимого различия между частотой двух самых популярных ответов выявлено не было ($\chi^2=0,1$; $p<0,7$). Отрицательно отнеслись к идее 48,1% респондентов, поскольку «в каждом случае нужно всегда разбираться отдельно», 45,2% респондентов отнеслись положительно, так как «это значительно способствует обоснованному и четкому правоприменению». Самым важным плюсом такого подхода является то, что он позволит обеспечить денежную компенсацию всем людям, перенесшим негативные переживания от совершенных в отношении них правонарушений, а также позволит избежать диспропорции в компенсациях практически по одинаковым преступлениям.

Связанным с предыдущим является вопрос о том, каким образом следует выплачивать компенсации потерпевшим, у которых будет установлена психическая травма в виде психического расстройства. Большинство респондентов (78,5% ($\chi^2=127,2$; $p<0,001$)) высказались за то, чтобы в таком случае выплачивать одномоментно денежную компенсацию из унифицированного перечня компенсаций, а также денежную компенсацию на полную оплату лечения потерпевшему у специалистов сферы психического здоровья. Отрицательно отнеслись к данной идее 9,6% респондентов.

Следующий вопрос касался отношения судебных экспертов к дискуссии о том, что зачастую психическая травма у потерпевшего возникает не как результат правонарушения, а как следствие смешанных причин, в том числе и как результат последующих судебно-следственных действий (повторяющийся стресс в виде напоминания о случившемся, ретравматизация). Статистически значимой разницы между мнениями экспертов выявлено не было ($\chi^2=2,9$; $p<0,08$). Примерно половина экспертов (53,3%) указала на то, что правонарушитель запустил каскад всех событий (совершил травмирующее действие), поэтому он в полной мере является ответственным, соответственно, должен восполнять причиненный вред. Вторая половина экспертов (42,2%) посчитала, что необходимо как-то отделять последствия самого правонарушения на психику от сопутствующих факторов.

Далее мы рассмотрели два важных клинических момента, которые чрезвычайно важны в ракурсе установления диагноза посттравматического стрессового

расстройства (ПСТР) и решения вопросов, связанных с квалификацией психической травмы (весьма обсуждаемы в экспертном сообществе). Первый момент – это выяснение того, является ли любое преступление «исключительно сильным стрессовым фактором» (обязательный диагностический критерий для диагноза «посттравматическое стрессовое расстройство»). Большинство ($\chi^2=36,2$; $p<0,001$) экспертов (56,3%) считают, что только насильственное преступление является таким фактором для потерпевшей стороны. В свою очередь только пятая часть экспертов (20,0%) считает, что любое преступление (квалифицированное Уголовным кодексом деяние) является таким фактором для потерпевшей стороны.

Второй момент – выяснение необходимости обязательного наличия диагноза «острая реакция на стресс» для установления в последующем диагноза «посттравматическое стрессовое расстройство». Большинство экспертов ($\chi^2=108,0$; $p<0,001$) считает данное условие совершенно необязательным – 77,0%, обязательным условием считают 13,3% экспертов.

Следующий блок вопросов касался оценки достоверности психической травмы с учетом возможности проявления потерпевшим симуляции или аггравации. Только сравнительно небольшая часть респондентов посчитали психиатрическую оценку достаточно достоверной (17,0%). Большая же часть респондентов указали на то, что требуются дополнительные инструменты оценки возможной симуляции – 77,0% ($\chi^2=95,1$; $p<0,001$). Далее было установлено, что большая часть экспертов положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для установления психической травмы – 90,4% ($\chi^2=200,0$; $p<0,001$), а также к внедрению айтрекинга (инструментальный метод, основанный на фиксации реакции зрачка и движения глаз) – 74,1% ($\chi^2=91,1$; $p<0,001$).

Весьма важным является и вопрос о том, кто и как должен устанавливать факт элиминации психической травмы (излечения), если травма была в форме психического расстройства. Ответы распределились примерно поровну между всеми вариантами ($\chi^2=0,2$; $p<0,6$). В 34,8% случаев эксперты ответили, что факт выздоровления должен устанавливать специалист сферы психического здоровья, который занимается непосредственным лечением потерпевшего (вне судебного порядка), в 31,1% случаев эксперты посчитали, что для этой цели должна быть создана специальная мультидисциплинарная комиссия (психиатр, юрист, психолог и т. д.), третья группа экспертов (28,1%) решила, что факт выздоровления (значительного улучшения) должен устанавливаться в судебном порядке (на основании заключения специалиста, осуществлявшего лечение, или мультидисциплинарной комиссии).

Дальнейшие наши вопросы к судебным экспертам были связаны с поиском путей совершенствования механизмов функционирования в процессуальных действиях такой уязвимой категории людей, как потерпевшие по уголовным делам. Значимо большее количество экспертов, 84,4% ($\chi^2=142,6$; $p<0,001$), отметили существование необходимости внедрения правовых норм, которые бы позволяли максимально сократить участие потерпевшего в судебно-следственных действиях из-за риска психической ретравматизации.

Значимая часть респондентов, 70,4% ($\chi^2=59,0$; $p<0,001$), высказалась за необходимость назначения адвоката всем потерпевшим от насильственных действий, что связано с тем, что из-за перенесенного стресса потерпевшие от насилия не могут сами эффективно отстаивать свои права, пытаясь побыстрее разрешить ситуацию (даже

во вред себе). Существует множество причин неотстаивания своих законных прав и интересов, но с клинической точки зрения основной причиной не обращения за компенсацией являются чувства вины и стыда, а также симптомы тревоги, депрессии, фобии, панической атаки или ПТСР (избегание ситуаций, напоминающих обстоятельства получения травмы). Все это приводит к тому, что потерпевшие всячески уклоняются от любых событий, связанных с доказыванием перенесенного травмирования, а тем более подробного судебного разбирательства.

В соответствии со статьей 62 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, других организациях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. Участие адвоката в качестве представителя потерпевшего позволяет потерпевшим не только успешно реализовывать защиту своих прав и законных интересов, но и снижает повторную психическую травматизацию (повторную виктимизацию) потерпевших от столкновения с ситуацией травмирования.

Показателен пример привлечения адвоката за счет государства для несовершеннолетних потерпевших в Российской Федерации. В соответствии с частью 2.1 статьи 45 УПК РФ по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета. С точки зрения специалистов сферы охраны психического здоровья, подобная норма необходима и в белорусском законодательстве. Более того, по нашему мнению, такого рода норму следует расширить на всех потерпевших от сексуального насилия, тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья (события, которые в любом случае вызывают тяжелый стресс).

Существует и второй вариант реализации идеи привлечения адвоката (с точки зрения финансового обеспечения его услуг). Так, большинство опрошенных судебных экспертов (80,7%; $\chi^2=128,9$; $p<0,001$) положительно отнеслись к идее создания специализированного фонда финансовой помощи потерпевшим. Финансовый фонд может обеспечить не только оплату адвоката, но и качественную психологическую, медицинскую, социальную и другие виды помощи, а также иные необходимые расходы. Идею фонда уже на протяжении ряда лет продвигает Следственный комитет Республики Беларусь [18].

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анонимного анкетирования судебных психиатров и судебных психологов показали, что значительно большее количество экспертов считают, что правовая категория «моральный вред» требует глобального переосмысления в плане перенимания положительного опыта прогрессивных в данном вопросе стран, в том числе более релевантного названия соответствующей нормы – «психическая травма». Большинство экспертов положительно отнеслись к идее разделения психической травмы на ординарную психическую травму (негативные эмоциональные

переживания, но отсутствует диагностированное психическое расстройство в результате преступления) и психическую травму в виде психического расстройства (устанавливается психиатрический диагноз). Значимо бо́льшая часть респондентов положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для подтверждения психической травмы, а также к внедрению инструментальных методов (айтрекинга). Большинство респондентов высказалось за необходимость назначения адвоката всем потерпевшим от насильственных действий, а также в поддержку создания специализированного фонда финансовой помощи потерпевшим (для оплаты психологической, медицинской, социальной, юридической помощи и иных расходов).

■ ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Skugarevsky O., Ostynko Yu., Dukorsky V. On the way from moral damage to mental trauma. *Judicial Bulletin*. 2021;1:62–66. (in Russian)
2. Skugarevsky O., Evukhovich E., Dukorsky V. Perspectives of the medical and legal category «psychological / psychiatric injury» within the framework of domestic medical and legal reality. *Law and order*. 2022;63(3):60–63. (in Russian)
3. Skugarevsky O., Mistiukevich D., Dukorsky V. Pre-trial investigation and psychological/psychiatric injury in victims of crime. *Preliminary Investigation*. 2023;1(13):22–26. (in Russian)
4. Ostynko Yu., Dukorsky V., Kamenskov M. The diagnostic value of eye-tracking for forensic psychiatry and sexology. *Forensic Examination of Belarus*. 2023;1(16):47–52. (in Russian)
5. Krautsova M. *Criminalistic patterns of the reflection of crime in the form of moral damage and its definition* (PhD Thesis), Minsk. 2013;169 p. (in Russian)
6. Jameton A. *Nursing practice: the ethical issues*. New York: 1984.
7. Shay J. *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York: 2010.
8. Griffin B., Purcell N., Burkman K. et al. Moral injury: An integrative review. *Journal of Traumatic Stress*. 2019; 32(3):350–362. doi: 10.1002/jts.22362
9. Farnsworth J.K., Drescher K.D., Nieuwsma J.A. et al. The role of moral emotions in military trauma: Implications for the study and treatment of moral injury. *Review of General Psychology*. 2014;18(4):249–262. Available at: <https://doi.org/10.1037/gpr0000018>
10. Shay J. Moral injury. *Psychoanalytic Psychology*. 2014;31(2):182–191. Available at: <https://doi.org/10.1037/a0036090>
11. Young G. Trends in Psychological / Psychiatric Injury and Law: Continuing Education, Practice Comments, Recommendations. *Psychol. Inj. and Law*. 2010;3(4):323–355. doi: 10.1007/s12207-010-9092-x
12. Koch W.J., Kevin S.D., Nicholls T.L. et al. *Psychological Injuries: Forensic Assessment, Treatment and Law*. New York: 2006.
13. Young G., Nicholson K., Kane A.W. *Causality of Psychological Injury*. New York: 2007.
14. *Association for Scientific Advancement in Psychological Injury and Law*. Available at: asapil.net (accessed 19.12.2023).
15. *Psychological Injury and Law Journal*. Available at: asapil.net/psychological-injury-and-law-journal (accessed 19.12.2023).
16. Vilariño M., Arce R., Fariña F. Forensic-clinical interview: reliability and validity for the evaluation of psychological injury. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2013;5(1):1–21.
17. Zaitseva L. Restorative justice – an alternative to criminal prosecution. *Judicial practice in the context of the principles of legality and law*. Minsk. 2006;298–306. (in Russian)
18. Bushkevich N. On the feasibility of creating a state targeted off-budgetary fund for compensation of harm to victims. *Preliminary Investigation*. 2018;2(4):82–86. (in Russian)